

ЛИЧНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В ЯЗЫКЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Хазиев А.Х.¹

Клюшина Е.В.²

Хазиева Н.О.¹

1. Kazan Federal University

2. Kazan State Power Engineering University

Россия

Аннотация: Предмет исследования – вопросы личностной идентичности в условиях постсоветской России. Авторы, исходя из того, что а) повседневность формирует «плоть и кровь» человека и б) язык – дом бытия обратились к языку повседневности как средству экспликации проблемы.

Краткая информация: Постсоветская история нашей страны насчитывает без малого четверть века. На первом этапе самоидентификация личности проходила, прежде всего, на фоне противостояния ценностей уходящего социализма (их олицетворением был человек, в просторечии называемый «совок») и ценностей утверждающихся порядков (их олицетворял герой нового времени, называемый в просторечии «новый русский»). В последующем личностное самоопределение осуществлялось под влиянием обострения на постсоветском пространстве межнациональных отношений, миграции, войны на Северном Кавказе. Они породили национализм, шовинизм, расизм. Быть «лицом кавказской национальности», «черным» – значит быть не только чужим, а быть врагом. По законам жанра враг либо сдается на милость победителя, либо его ликвидируют. Так прививается чувство ущербности и второсортности. И еще: если в СССР слово «патриот» по сути, означал интернационалиста, то в повседневности постсоветской России, наоборот, означает националиста. В последние несколько лет важным фактором социализации в современной России выступает усиливающийся исламский фундаментализм. Под его влиянием личностная идентичность или абсолютно не приемлет ценностей ислама, или ровно противоположное – принимает их как высшие ценности (понятия «ваххабит», «фундаменталист», «шахид» стали обыденными). Таким образом, неоднозначно и противоречиво протекают процессы социализации в становящейся повседневности постсоветской России.

Ключевые слова: постсоветская Россия, язык повседневности постсоветской России, личностная идентичность в условиях постсоветской России.

Преобразования во всех сферах жизни общества, осуществляемые в России последние четверть века ведут к становлению повседневности, радикально отличной от советской. А, как известно, повседневность формирует «плоть и кровь» человека [1, с. 46]. Отсюда интерес к личности постсоветской России: что ее волнует, в чем она видит смысл своей жизни? Иначе говоря, как она самоидентифицируется? Ответ связан с исследованием языка повседневности, поскольку язык, сказывая бытие человека, раскрывает его «самость», его «Я». В центре внимания авторов ключевые, с их точки зрения, конструкты повседневной лексики современных россиян.

На начальном этапе постсоветской истории нашей страны таковыми были, прежде всего, понятия **«совок»** и **«новый русский»**. За первым – человек, жизненные ритмы которого в целом «предзаданы» советской повседневностью. Основными социализирующими факторами этой повседневности были: а) искренняя вера в коммунистические идеалы и гордость за Советский Союз; б) «работа на государство» (как правило, долгие годы на одном предприятии) и, как следствие, в) отсутствие навыков предпринимательства, неумение вне государственных форм организовать экономическую основу своей жизни; г) отношение к деньгам как средству, а не как к цели жизни и потому негативное восприятие любой иной позиции. Бытие «совка» трагично, поскольку он находится между двумя взаимоисключающимися мирами. Думы о былом и сопротивление утверждению новых социальных порядков включают его в электорат оппозиции власть имущим. «Совок», становясь чужаком в актуальном мире, все более «вымывается» в мир виртуальный. Возможно, в этом и заключается причина того, что немалая часть данной группы населения вытесняется в маргинальное пространство и пополняет так называемое «дно» постсоветской России. Для «лихих 90-ых» XX века такая тенденция была особенно характерной. Представители интеллектуальных, «интеллигентных» профессий, высококвалифицированные рабочие, как, впрочем, и простые домохозяйки были вынуждены войти в круг непривычной для них повседневности – заниматься посредническими операциями. В основном это была торговля дефицитными товарами, нажитым имуществом. Большинство из них оказывалось в ситуации вынужденных переселенцев, чувствовало себя в «не своей тарелке», в лучшем случае – гостем в чужом доме. Кому-то удавалось стать «своим среди когда-то чужих» и сблизиться с ними так, что в обиход россиян вошло слово **«оборотень»**. Им стали обозначать тех, кто, прикрываясь статусом государственного служащего, предал интересы государства и встал на путь криминала. Хотя с этим словом соотносили главным образом представителей правоохранительных органов, по существу оно

выражало более широкий круг людей, представляющих все слои российского общества – от самого низа до самого верха. И, как результат, не поделившись с **«крышей»**, без **«отката благодетелям»** стало невозможно сделать и шага в любой сфере повседневного бытия. Россия погрузилась в перманентную антикоррупционную войну, которую нередко возглавляли те же самые «оборотни».

«Новый русский» – полный антипод «совка». Пожалуй, именно он – герой нашего времени. В его «Я» доминируют ценности, позволяющие ему быть кузнецом своего счастья. Он инициативен, полагается главным образом на себя и несет полную ответственность за свое собственное благополучие. Вопросом жизни и смерти для нашего персонажа является материальный и финансовый успех, чем и объясняется преобладание в его лексике слов и выражений, отражающих экономическую сферу общества. Благодаря «новому русскому» словарный запас постсоветского россиянина пополнился такими понятиями как **«челнок»**, **«чартерный рейс»**, **«бартер»** и т.п., т.к. именно он первым ринулся осваивать радикально изменившиеся в 90-ые годы прошлого столетия просторы геополитического пространства.

Своей неумной энергией «новый русский» способствовал укоренению в обиходе россиян заграничного паспорта, после чего поездки за пределы России стали для многих наших граждан обычным делом. Это отразилось на постсоветской российской повседневности: помимо дач, садовых товариществ – привычных элементов бытия советского человека – в жизни современного россиянина появились коттеджи, загородные виллы, элитные поселения, а так же бутики, супермаркеты. И все это не в виде исключения (в центральной части страны, городах-миллионниках), а, становясь типичным явлением, обернулось современной повседневностью.

Однако бытие «нового русского» по определению противоречиво, а его фигура неоднозначна. Дело в том, что целый ряд факторов (среди них, в частности, политико-правовые и морально-этические лакуны, образовавшиеся в результате разрыва существовавших социальных связей) способствовал вырождению части общества, представленного главным героем постсоветской российской повседневности в людей, способных переступить любые общественные нормы поведения. А потому в том числе и на их совести, например, ответственность за попытку криминального передела России. При активнейшем содействии «нового русского» в повседневность россиян прочно и надолго вошли слова и выражения уголовного жаргона, что, безусловно, дискредитировало его в глазах общественности.

Действительно, если главное **«срубить бабло»**, а не заработать деньги, если вся мощь интеллекта и воля направлены на то, что бы, устроив **«лохотрон»** посредством различного рода мошеннических схем, **«кинуть»** или **«заказать»** конкурента, то трудно уйти от сравнения с небезызвестным «хамом» Д. Мережковского [2, с.468-476].

Важнейшим показателем личностной идентичности выступает отношение к труду. При социализме – при прочих нюансах – труд в глазах подавляющего большинства населения – ценность, вокруг которой строится вся жизнь человека. В новых реалиях отношение к труду можно было бы выразить скорее известной русской поговоркой о том, что праведным трудом палат каменных не построить. И потому труд упорный, тяжелый, изо дня в день не для современного россиянина. «Здесь, сейчас, много и легко» – вот принцип, активно пропагандируемый в постсоветской России и внедряющийся в сознание молодого поколения. Будучи живым организмом, язык реагирует не только появлением новых слов и выражений, но и изменениями в употреблении существующих. Это касается и рассматриваемых нами понятий «совок» и «новый русский». Для обозначения самостоятельных и противостоящих друг другу (как это было в первые годы новейшей российской истории) социальных феноменов они практически перестали использоваться. Сегодня «совок» – это чаще нечто остаточное в современном россиянце как «новом русском». Причем, это остаточное есть не только и не столько от социалистического прошлого, сколько то ментальное, что воспроизводится перманентно, несмотря на все усилия выкорчевать его «с корнем».

На протяжении всей истории России ее полиэтничность – фактор, влияющий на формирование личностных характеристик россиянина. Страна всегда нуждалась в сознательной гармонизации отношений между населяющими ее народами. Конечно, представления о гармонии от эпохи к эпохе меняются, и время вносит свои коррективы. Так было, например, после октябрьской революции 1917 года. Большевики, посчитав, что от решения национального вопроса зависит коммунистическое будущее страны, прилагали максимум усилий для интернационального воспитания подрастающего поколения.¹

Радикальные изменения, произошедшие на рубеже XX – XXI столетий в этой сфере социального бытия, способствовали возникновению новых конструктов в пространстве межэтнической повседневности, ключевым среди которых стал расистский конструкт **«лицо кавказской национальности»**. Оно раскололо межэтническое пространство России довольно своеобразно: включив в себя всех людей с явно неславянской внешностью, в том числе и самих славян, противопоставило их людям со славянскими чертами, в том числе и «неславянам». Сегодня это выражение используется все реже. Вместо него в оборот входит еще более расистское слово **«черные»**, которым обозначают всех лиц неславянской внешности.

¹ Надо признать, что им многое удалось в этом направлении, если взять за точку отчета характер повседневных межэтнических отношений в России начала XX века. О этом можно получить представление, например, по работе В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», где он писал, что поляка в России называют не иначе как «полячишка», татарина – не иначе как «князь», украинца – не иначе как «хохол», грузина иначе как «кавказский человек» и не назовут [3, с.359].

Заметной тенденцией межнациональных отношений в постсоветской России стал перевод этнических проблем в русло конфессиональных. В ее основе активизация религиозного фактора вообще и исламского в частности в повседневной жизни россиян. Усиливает эту тенденцию феномен терроризма, который стал почти обыденным в нашей жизни. И еще один важный момент: перевод этнических проблем в русло конфессиональных разрывает не только межэтническое, но и внутриэтническое пространство. Об этом свидетельствует не только опыт Северного Кавказа, но и опыт других регионов России, в том числе Татарстана. Мы имеем в виду следующее: в обиходе населения все чаще используются понятия **«ваххабит»**, **«фундаменталист»**. Да и само понятие «мусульманин» перестает ассоциироваться только с религиозным мировоззрением человека и все больше подчеркивает его особую политическую позицию, акцентируя внимание на внешнем виде человека (борода, особенная одежда), образе его жизни (выпячивание человеком неприятия господствующих в обществе стереотипов поведения, ценностей). Но важнее другое – они это адресуются не только представителям чужих народов, но и людям своего народа. Тем самым проблема национального единства начинает подменяться единством религиозным, что демонстрирует иное качество межэтнического пространства и обязательно востребует иных конструктов коммуникации в нем.

Проведенное авторами исследование позволяет сделать следующие выводы:

- на начальном этапе постсоветской истории России самоидентификация личности свое адекватное отражение находило, прежде всего, в понятиях **«совок»** и **«новый русский»**;
- такие понятия как **«лицо кавказской национальности»**, **«черные»** говорят о расколотости межэтнического пространства по линии «свои – чужие», где последние – враги; причем, неприятие одних другими обусловлено расовыми мотивами;
- подмена национального единства единством религиозным - заметная тенденция (выражается, к примеру, понятиями **«ваххабит»**, **«фундаменталист»**), характеризующая процесс личностной самоидентификации в современной России.

Литература

- [1] Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991, С. 480.
- [2] Мережковский Д. Грядущий хам // Собрание сочинений. М.: Республика, 2004, С. 477.
- [3] Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации»// Полное собрание сочинений (5 издание). Том 45 (Март 1922 — март 1923). - М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 356-362.